

ИНФОРМАЦИОННЫЙ АСПЕКТ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СОЦИАЛЬНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ

© 2013 г. Андрей Андреевич Гайдамакин¹

Краткая аннотация: рассмотрены социальные проблемы и исторический опыт России в области систематизации законодательства. Сформулированы предпосылки успешного проведения такой работы. Показано, что сегодня работа по систематизации законодательства должна проводиться на новых научном и технологическом уровнях. Для иллюстрации нынешнего состояния юридической логики представлен краткий обзор ее развития – от Лейбница до современных работ в области искусственного интеллекта.

Annotation: social problems and historical experience of Russia in the field of legislation ordering are considered. Preconditions of successful carrying out of such work are formulated. It is shown, that the work on legislation ordering should be spent at new scientific and technological level today. For an illustration of a modern condition of legal logic the short review of its development from Leibniz to modern works in the field of an artificial intellect is presented.

Ключевые слова: систематизация, конфликт, Свод законов, логика, аналитическая юриспруденция, искусственный интеллект, представление знаний.

Key words: oordering, the conflict, the Code of laws, logic, analytical jurisprudence, an artificial intellect, knowledge management.

Как отмечает известный лингвист А. Вежбица, о семантике можно сказать почти то же самое, что и о философии: “Философия – не теория, а деятельность”. Семантика также представляет собой деятельность, которая заключается в разъяснении смысла человеческих высказываний². Вышеприведенная цитата применима и к юриспруденции, возникшей на пересечении этих двух сфер деятельности с третьей – социальным управлением, которая в данном случае является доминирующей. Философия дала юриспруденции метафизические и методические основания, лингвистика – форму, а управление – содержание. При этом юриспруденция унаследовала проблемы своих родоначальников, восприняв от философии неясность сущности собственного предмета, от лингвистики – неоднозначность семантики, а от управления – конфликт целевых установок. Весьма удачно используя неясности и неоднозначности для разрешения конфликтов, юристы придали своей деятельности эмерджентное свойство – относительную устойчивость, консервируя тем самым некоторый произвол в своих решениях. Вместе с тем прикладная направленность юридической деятельности и высокая цена ошибки вызывают общественную потребность в том, чтобы юридические построения имели убедительность и прогностическую силу научной теории.

Среди проблем создания такой теории конфликт интересов, конфликт целей играет особую роль. Собственно, правовое регулирование – это и есть “только такое воздействие, при котором ставятся достаточно ясно обозначенные цели”³. Ведь поставленная цель во многом определяет методы управления и проблемы, возникающие при их реализации. На практике, однако, нередки случаи, когда:

а) эта цель явно не выражена и фактически направлена, например, на лоббирование интересов некоторой третьей стороны или поддержание гомеостаза самих управляющих структур (в последние годы такая ситуация стала настолько обычной, что сокрытие цели некоторого нормативного предписания теперь рассматривается как специфический прием юридической техники⁴ и даже как “задача правотворческих органов”, которым “необходимо завуалировать корпоративные, групповые интересы тех, кто лоббировал принятие этого правила”⁵);

б) объявленная цель регулирования не соответствует фактической (тоже весьма специфический прием реализации вышеупомянутой “задачи правотворческих органов”, проявившийся, например, в декриминализации ряда деяний по ст. 169, 174, 193, 194 УК РФ, нацеленной, как считает Д.А. Кузьминов, “не на снижение уровня общественно опасных посягательств, а на видимый результат борьбы с преступностью путем сокращения числа деяний, подпадающих под признаки составов преступлений”⁶);

в) рассматриваемые нормы имеют чисто декларативный (а не регулирующий) характер, и их цель достигается самим фактом опубликования;

г) как это часто бывает, нормы или документ в целом преследуют несколько целей, и ситуация охватывает сразу несколько из вышеуказанных пунктов.

Заметим, что существование потребности в сокрытии воли законодателя уже на стадии нормотворчества отражает тот вполне очевидный факт, что правовая система не является полностью автономной и подвержена влиянию внешних сил.

¹ Доцент кафедры управления и информационных технологий в деятельности органов внутренних дел Омской академии МВД России, кандидат технических наук (E-mail: gaydam_aa@mail.ru).

² См.: Вежбица А. Семантические примитивы. Введение // Семантика. М., 1983.

³ Теория государства и права. Учеб. для юрид. вузов и ф-тов / Под ред. В.М. Корельского и В.Д. Перевалова. М., 1997. С. 257.

⁴ См.: Лазарев В.В. Техничко-юридические приемы сокрытия законодательной воли // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 24.

⁵ Бляхман Б.Я. Формально-логическое моделирование в российской юриспруденции // Ползуновский вестник. 2003. № 3, 4. С. 231.

⁶ Кузьминов Д.А. Крупный ущерб как признак составов преступлений, связанных с банкротством // Научн. вестник Омской акад. МВД России. 2011. № 2. С. 14.

Влияние этих сил (в терминологии П. Бурдые – взаимодействие юридического поля с политическим, экономическим и другими относительно автономными полями в социальном пространстве⁷) проявляется как в процессе разработки, так и в ходе применения и реализации правовых предписаний, т.е. во всех звеньях механизма правового регулирования и на всех этапах работы этого механизма. То же можно сказать и о “конфликте компетенций” внутри собственно юридического поля, т.е. о “конфронтации между различными корпорациями, движимыми специфическими разнонаправленными интересами (судейским, адвокатским, нотариальным и т.д.)”⁸.

Мы приводим здесь ссылки на работы Бурдые, потому что его социологическая концепция правового поля представляется вполне адекватной существующим реалиям. Согласно этой концепции юридическая практика определяется, с одной стороны, упомянутым конфликтом корпоративных интересов профессиональных юристов, а с другой – “внутренней логикой юридических текстов, очерчивающих в каждый отдельный момент времени пространство возможного и тем самым – универсум собственно правовых решений”. При этом юридический текст “оказывается ставкой в борьбе по причине того, что толкование является одним из способов присвоения потенциально содержащейся в нем символической власти”. Что касается граждан, не обладающих юридической компетенцией (“профанов” – в терминологии П. Бурдые, и Р. Иеринга⁹), то они фактически лишены возможности преодолеть монополию юристов на предоставление юридических услуг – как по причине отсутствия легитимного признания такой компетенции, так и вследствие того, что юридические “инстанции стремятся выработать целые специфические традиции, и в частности категории восприятия и оценки, никак не сводимые к категориям неспециалистов, порождая свои проблемы и свои решения согласно логике, полностью герметичной и недоступной для профанов”.

Таким образом, даже в идеальном случае, когда законодатель ясно указал цель регулирования, результат интерпретации цели и содержания нормативных предписаний в значительной степени зависит от интересов и соотношения сил обладателей компетенций на стадии правоприменения. Вряд ли такое положение вещей является серьезной проблемой для обладателей юридических компетенций, скорее необходимым условием существования профессии юриста. Для “профана” же верное понимание смысла закона оказывается невозможным в силу как отсутствия “единственно верного толкования”, как такового, так и внутренней противоречивости, громоздкости и изменчивости существующей нормативной системы.

Общество, однако, состоит в основном из “профанов”, так что знание ими закона есть главное условие успеха нормативного регулирования. В этом противоречии и видится основная проблема, решение которой представляется очевидным. *Если государство заинтересовано в исполнении законов, оно должно быть заинтересовано и в предоставлении населению соответствующих знаний, причем в удобной форме и бесплатно*, поскольку взимание государством платы за юридические консультации подобно взиманию банком эпохи “дикого капитализма” платы с клиента за внесение средств на

счет в этом банке. Для того чтобы такие консультации были эффективны, существующий произвол толкования правовых предписаний должен быть максимально ограничен. Необходимой предпосылкой к этому является комплексная ревизия законодательства, во многом подобная той, что проводилась в 1826–1832 гг. под руководством М.М. Сперанского и завершилась составлением Свода законов.

Действительно, сегодняшние проблемы правового регулирования во многом сходны с проблемами начала XIX в., когда российская власть в лице сначала Александра I, а затем и Николая I сделала ставку на закон как основное средство социального управления. Тогда растущий объем законодательства породил “неудобства и злоупотребления при отправлении правосудия, которые проистекали от накопления чрезвычайного множества противоречивых указов”¹⁰, отмечалось в Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона (далее – Энциклопедический словарь). А вот вполне современный текст – выдержка из выступления С.Н. Бабурина: «В последние годы существенно возрос удельный вес законов в общей массе нормативных актов, однако это явление вопреки ожиданиям не повлекло за собой пропорциональное сокращение числа подзаконных актов и не усилило системность законодательства. Одновременно увеличилось число противоречий между самими законами и между законами и подзаконными актами. Возникающие в этой связи трудности правоприменения усугубляются еще и тем, что многие законы по-прежнему носят декларативный характер, не снабжены соответствующими санкциями и механизмами реализации. Полагаю, что был абсолютно прав известный ученый-юрист начала XIX в. профессор Покровский, когда, указывая на нагромождение законов как на опасность создания почвы, благоприятной для злоупотребления, заявлял: “Несчастен тот народ, который имеет необъятное множество законов”. По крайней мере для России это так»¹¹.

Высказывание Г.Ф. Покровского относится к 1827 г., когда, по данным комиссии Сперанского, законодательство Российской Империи насчитывало 53 тыс. “узаконений” (в ходе проверки выяснилось, что лишь около 30 тыс. были реально действующими)¹². Выступление С.Н. Бабурина относится к 1997 г., когда, по некоторым оценкам, общее количество нормативно-правовых актов достигло полумиллиона. Сегодня их еще больше, поэтому опыт работы Сперанского и ее историческая судьба представляют существенный интерес для современной юридической науки и практики.

Как отмечает С.В. Кодан, в ходе работы по систематизации законодательства Сперанский “практически положил начало созданию отечественной юридической техники: унифицировал юридическую терминологию, выстроил ряд юридических конструкций, позволил отработать приемы систематизации узаконений”, “предоставил государственным служащим и подданным необходимую для использования нормативно-правовую базу, снабженную поисковыми си-

⁷ См.: Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб., 2005. С. 77.

⁸ Там же. С. 84.

⁹ Иеринг Р. Юридическая техника / Пер. с нем. Ф. Шендорфа. СПб., 1905. С. 3, 7.

¹⁰ Цит. по: Свод законов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1890–1907 // <http://www.vchi.net/brokgauz> (Дата обращения: 10.04.2012 г.).

¹¹ Подготовка и принятие законов в правовом государстве. Стенограмма международного семинара 28–29 апреля 1997 года // http://www.nasledie.ru/vlact/5_7/5_7_2/one_zas/article.php?art=37 (Дата обращения: 29.07.2010 г.).

¹² См.: Кодан С.В. Свод законов Российской Империи. Место и роль в развитии юридической техники и систематизации законодательства в России в XIX – начале XX века // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 179.

стемами”¹³. Ему со штатом в 20 человек удалось сократить объем законодательства с 51 до 15 томов, устранив устаревшие и дублирующие нормы. Видимо, это был не предел оптимизации, поскольку, например, А.К. Бабичев в 1865 г. утверждал, что количество статей в Своде можно уменьшить еще почти на треть и законодательство от этого “сделается только короче, яснее, точнее, вместительнее и удобнее к приобретению, хранению и употреблению”¹⁴. Но Сперанский в большинстве случаев сознательно не устранял обнаруженные коллизии правовых норм, используя лишь принцип *lex posterior*, поскольку Свод законов “переступил бы свои границы, если бы сочинители... принялись судить, который из двух противоречащих законов лучше”, так как “одна только законодательная власть может его исправить”¹⁵. Предполагалось, что Свод будет поддерживаться государственными органами в актуальном состоянии путем ежегодного дополнения и переиздания каждые 10 лет, чтобы “состав законов, единожды устроенный, сохраняем был всегда в полноте его и единстве”, однако уже третье переиздание (1857 г.) запоздало на пять лет и оказалось последним полным изданием. В дальнейшем было утрачено как внутреннее, так и внешнее единство Свода, и к 1916 г. он превратился в неполный сборник разрозненных законодательных актов. Была утрачена и поисковая система Свода – его алфавитно-тематический указатель, “без которого пользование Сводом требует обширных специальных знаний, какие и среди профессиональных юристов встречаются не часто. Таким образом, и как прибор, служащий к механическому применению законов, Свод законов не представляет прежнего удобства и простоты”, – отмечалось в Энциклопедическом словаре.

Опыт работы над Сводом законов и его судьба позволяют сделать некоторые выводы. К предпосылкам успеха масштабной работы по систематизации законодательства относятся:

назревшая общественная потребность (в случае со Сводом законов о ее наличии свидетельствуют попытки кодификации российского законодательства, предпринимаемые с начала XVIII в.);

политическая воля высшего руководства (в данном случае – Николая I, инициировавшего эту работу, принявшего ее “в собственное свое непосредственное ведение” и санкционировавшего ее результаты своей властью);

наличие соответствующих технологий (такие технологии – приемы юридической техники – Сперанскому пришлось разрабатывать самому)¹⁶;

наличие команды компетентных и добросовестных исполнителей (в данном случае – специально созданное Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии, в состав которого вошли лучшие столичные правоведы);

относительная стабильность законодательства (распад стройной системы, предложенной Сперанским, был вызван прежде всего судебной реформой 1862 г.: в новых условиях для поддержания Свода в актуальном состоянии требовался пересмотр организации системы, но политическая воля к этому иссякла сразу после смерти Николая I).

Энциклопедический словарь отмечает, что в связи с судебной реформой, предоставившей судам большие полномочия по толкованию законов, М.А. Корф в 1862 г. внес предложение о прекращении дальнейшего издания продолжений к Своду законов, поскольку “Второе отделение стремилось оставить за судьями и исполнителями лишь труд механического, машинального применения, приучало их ожидать на малейшее недоразумение разрешения и указания свыше без всякого обращения к собственным умственным усилиям и из-за всего этого препятствовало развитию всякой самостоятельности во взглядах и суждениях в низших инстанциях”. Думается, между систематизацией законодательства и его мелочной детализацией все же нет прямой связи; систематизаторы из Второго отделения, в том числе и сам М.А. Корф, не разрабатывали законов, стараясь по мере возможности сохранить в Своде и смысл, и лексику оригинальных текстов. Предложение Корфа (так и не принятое) свидетельствует скорее о конфликте компетенций, который созрел по мере формирования юридического поля в Российской Империи, о начавшейся борьбе юридических корпораций за право толкования нормативных предписаний.

Возвращаясь к проблемам сегодняшнего дня, отметим, что практически все вышеперечисленные предпосылки успешного проведения систематизации, или, как иногда говорят, гармонизации, законодательства имеются в наличии.

Есть признанная общественная потребность. Символично, что в 2010 г. она была подтверждена на самом авторитетном уровне (в частности, в выступлениях В.Д. Зорькина, А.В. Фёдорова, И.Е. Манылова) на Международных правовых чтениях им. М.М. Сперанского, проходивших в Санкт-Петербурге и посвященных 180-летию опубликования Свода законов¹⁷.

Есть и политическая воля. Впервые в истории современной России она проявилась в Указе Президента РФ “О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации” от 6 февраля 1995 г.¹⁸, но (как и в XIX в.) иссякла со сменой политического руководства страны, возможно, по причине отсутствия необходимой стабильности законодательства. Тем не менее и сегодня проблема повышения эффективности управления и информационно-правового обеспечения находится в центре внимания государства. Об этом свидетельствует, например, утверждение Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации от 7 февраля 2008 г.¹⁹.

Правда, нет Сперанского и его команды. Зато есть огромное количество квалифицированных правоведов, нарабатанные приемы юридической техники и колоссальные возможности современных технологий управления знаниями (*knowledge management, KM*). Имеется и значительный опыт использования этих технологий (по большей части зарубежный) для “предоставления нужного знания нужным людям в нужное время и в нужном формате”²⁰, который должен быть востребован отечественной правовой наукой.

К сожалению, и в упомянутой выше Стратегии развития информационного общества, и в более поздних документах программного и нормативного характера, принятых правительством и парламентом, отсутствует сам термин “управ-

¹³ Там же. С. 189.

¹⁴ Цит. по: Свод законов // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона.

¹⁵ Кодак С.В. Указ. соч. С. 182.

¹⁶ Унификация терминов тоже может рассматриваться как технический прием.

¹⁷ См.: Кодификация российского законодательства. Международные правовые чтения им. М.М. Сперанского. Сб. докладов. М., 2010.

¹⁸ См.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 7. Ст. 509.

¹⁹ См.: Росс. газ. 2008. 16 февр.

²⁰ United Nations e-Government Survey 2008: From e-Government to Connected Governance. New York, 2008. P. XIII.

ление знаниями". В настоящее время магистральными направлениями развития правовой информатизации в России являются обеспечение свободного доступа физических и юридических лиц к нормативно-правовой информации через средства телекоммуникации, придание официального статуса электронным копиям нормативных документов, унификация и стандартизация форм хранения и обмена правовой информацией в электронном виде²¹. Решение соответствующих задач, без сомнения, – важный шаг на пути к обеспечению прозрачности закона. Важный, но не последний. Ведь для того, чтобы доступная и синтаксически адекватная информация стала знанием, т.е. непосредственным руководством к действию, необходимо также учитывать ее семантический и прагматический аспекты. Между тем семантическая адекватность восприятия информации пользователем информационной системы нарушается при несовпадении тезаурусов пользователя и законодателя (ситуация с “профаном”), а несовпадение их целей усугубляет проблему интерпретации (конфликт компетенций). Кроме того, распространение полнотекстовых электронных документов никак не решает проблемы непротиворечивости нормативных актов. Такие документы, обладая очевидными достоинствами в отношении поиска и распространения, сохраняют традиционные недостатки своих бумажных предшественников в отношении интерпретации и интеллектуального анализа.

Представляется очевидным, что на современном этапе работа по систематизации законодательства должна проводиться на новом научном и технологическом уровне, не ограничиваясь при этом формированием “хронологического собрания действующих нормативных актов на машиночитаемых носителях”²². Беспрецедентный опыт XIX в. неоченим, однако традиционные технологии представления, обработки и распространения информации стремительно устаревают. Даже использование гиперссылок (такой подход реализован, например, в электронном банке данных “Свод законов Республики Беларусь”, созданном и ежемесячно обновляемом по Указу Президента РБ) есть полумера. Современные информационно-коммуникационные технологии в состоянии обеспечить не только информационный поиск, но и моделирование нормативной системы с целью обеспечения целостности правового поля, и поддержание этой модели в актуальном состоянии, а также бесплатное юридическое консультирование населения через Интернет на базе этой модели, причем в автоматическом режиме и реальном времени. Конечно, использование таких технологий требует решения ряда проблем, в том числе связанных с созданием формального языка описания правовых моделей. Такой язык, являясь посредником между человеком и компьютером, позволил бы на единой основе осуществлять “сквозное проектирование” законодательства, его использование (консультирование населения) и мониторинг, а также экспертизу, причем не только юридическую, но и социальную. Пока эти проблемы не решены, интеллектуальную поддержку законодательского процесса приходится рассматривать как задачу на неопределенную перспективу²³, не говоря уже о консультировании. Однако с учетом немалого прогресса, достигнутого логикой, философией и лингвистикой со времен Декарта и Лейбница,

проблемы эти, как представляется, решаемы. За подтверждением снова обратимся к истории.

Лейбниц, знаменитый философ и математик, имел ученую степень доктора права. Мечтая “по примеру математиков и в других абстрактных науках сделать то, что первым сделал в логике Аристотель”²⁴, он отводил при благоприятных условиях пять лет на составление алфавита мышления и два года для того, чтобы упорядочить философию и этику²⁵. Юриспруденция, которую Лейбниц рассматривал как часть философии, имела к этому все предпосылки: Дигесты, входящие в Кодекс Юстиниана, “приблизились к славе и достоинству геометров по постоянству обозначений, адекватности формы, по силе и убедительности заключений, по прочим достоинствам логической речи”²⁶ и сегодня рассматриваются как истоки современной аналитической юриспруденции. Надеждам Лейбница не суждено было сбыться, и аналитическая юриспруденция развивалась своим путем в трудах Д. Остина, Д. Бентама, У. Хофельда и других позитивистов без опоры на математическую символику. Одна из задач исследований Остина и Бентама – определить (или объяснить) понятия права, обязательства и т.д. в терминах других концептов. Вторая задача – упорядочить эти концепты в систему, в которой логические отношения между концептами явно выражены. Бентам (1782 г.) внес вклад в решение обеих проблем: основываясь на элементарной деонтической логике, он определил концепты и предложил схемы логической систематизации²⁷. Хофельд же (1913 г.) не давал определения базовым концепциям – они объяснялись с помощью примеров. Он попытался систематизировать концепты по линиям: право и обязанность есть “корреляты”, право и отсутствие права есть “противоположности” и т.п.²⁸

Вновь идея получения нового знания путем методического исчисления предикатов была возрождена Б. Расселом в XX в., дав начало аналитической философии. Работы Рассела, опирающиеся на логику высказываний Д. Буля (1847 г.) и логику первого порядка Г. Фреге (1879 г.), стимулировали дальнейшие исследования в области математической логики, с развитием которой, в частности усилиями Э. Мали (1926 г.) и фон Вригта (1951 г.), возможности отслеживания линии мышления Бентама, Хофельда и моделирования основных юридических положений значительно расширились. Используя этот современный инструментарий, шведский логик и философ С. Кангер в 1957 г. предпринял реконструкцию теории Хофельда в терминах деонтической логики и логики действий. Позже эти результаты получили свое развитие в работах других логиков, в частности Л. Линдаля, разработавшего теорию диапазонов законных действий²⁹.

Сегодня юридическая сфера есть излюбленная арена для исследователей в области искусственного интеллекта – направления кибернетики, выросшего из идей Рассела и Лейбница. За рубежом действует Интернет-сообщество исследователей в области искусственного интеллекта и закона (AI&Law), многочисленные проекты которого призваны

²¹ См.: Электронное законодательство: доступ к нормативно-правовой информации в электронной среде. Сб. ст. Межд. науч.-практ. конф. СПб., 2011.

²² См.: Собрание законодательства РФ. 1995. № 7. Ст. 509.

²³ См.: Волков А.А. Основные направления развития Государственной системы правовой информации // Электронное законодательство: доступ к нормативно-правовой информации в электронной среде. Сб. ст. Межд. науч.-практ. конф. С. 55.

²⁴ Лейбниц Г.В. Элементы разума // Соч. В 4-х т. Т. 3. М., 1984. С. 451.

²⁵ См.: Лейбниц Г.В. История идеи универсальной характеристики // Там же. С. 416.

²⁶ Лейбниц Г.В. Элементы разума. С. 451.

²⁷ Работа Бентама “Of Law in General”, написанная в 1782 г., впервые опубликована в 1945 г. и оставалась почти неизвестной до 1970 г.

²⁸ См.: Hohfeld W.N. Fundamental Legal Conceptions as Applied in Judicial Reasoning and other legal essays by Wesley Newcomb Hohfeld // Yale University Press. 1919.

²⁹ См.: Lindahl L. Position and Change: A Study in Law and Logic. Holland, 1977.

обеспечить моделирование правовых знаний, описание эпистемологических концептов для юридических рассуждений и аргументации, предоставляя методы и инструментальные средства, которые помогают улучшить качество законодательства, облегчить применение закона и доступ к правительственному массиву знаний³⁰. Эти проекты успешно интегрируются в концепцию “электронного правительства”, принятую в большинстве развитых стран. В их основе – формальные онтологии (под онтологией здесь понимается система, состоящая из набора понятий и аксиом, на основе которых можно строить классы, объекты, отношения, функции и теории) и логика первого порядка. Искусственный интеллект, конечно, не создан, но технологии представления знаний уже достаточно хорошо отработаны. Об этом свидетельствует, в частности, вполне эффективная работа современных средств автоматического перевода текстов и интеллектуальных Web-агентов.

Ведутся подобные разработки и в нашей стране³¹, и в ближайшем зарубежье³². В целом ситуация такова: есть от-

дельные исследователи, но нет научной традиции. Для ее формирования необходимо преодолеть “герметичность” юридического поля, открыть его для новых методологических подходов. Как писал Лейбниц, “один метод заключается в себе бесконечное множество решений”. В этой связи заметим, что предусмотренное новыми образовательными стандартами исключение математики из учебных программ подготовки юристов отнюдь не способствует формированию такой традиции.

Если формальная модель законодательства когда-либо будет создана, проблема интерпретации текста, конечно, не исчезнет. Ведь текст кодекса или его модель не есть закон. Кодекс или указ – это просто тексты особого авторитета, а законом является *смысл* этих текстов, постигаемый через процесс интерпретации, который не сводится исключительно к дедукции. Однако благодаря мерам по формализации предполагаемое значение законодательства становится более ясным, что перераспределяет баланс сил между субъектами права легитимного толкования в пользу законодателя, а также делает “профанов” менее зависимыми от этих субъектов. Понятно, что при этом нарушается монополия “на производство и коммерциализацию той особой категории товаров, какой являются юридические услуги”³³. Профессиональное юридическое мышление, включающее в себя и своеобразную логику, и выработанные годами “специфические категории восприятия и оценки”, опираясь на свой легитимный статус, найдет и создаст немало препятствий на пути реализации такого решения. Возможно, именно поэтому в свое время Николай I не обсуждал с Государственным советом содержание свода законов, а сразу представил ему готовый Свод для установления порядка введения последнего в действие.

³⁰ См.: *Гайдамакин А.А.* Прозрачность закона и информационно-коммуникационные технологии // Научн. вестник Омской акад. МВД России. 2011. № 2. С. 5.

³¹ См., например: *Керимов Д.А.* Кибернетика и право // Сов. гос. и право. 1962. № 11. С. 98–104; *Вопросы кибернетики и права* / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1967; *Андреев А.М., Березкин Д.В., Кантонистов Ю.А.* Экспертные юридические системы: миф или реальность? // Мир ПК. 1998. № 9; *Лобовиков В.О.* Математическое правоведение. Ч. 1: Естественное право. Екатеринбург, 1998; *Управление в социальных и экономических системах* / Известия ТРТУ. 1998. № 1; *Ельчанинова Н.Б.* Разработка декларативных методов представления знаний для моделирования и исследования нормативных актов. Автореф. дисс. ... канд. техн. наук. Таганрог, 2002; *Костылёв В.М.* Проблемы системного и формально-логического анализа права. Дисс. ... канд. юрид. наук. Уфа, 2002; *Голоскоков Л.В.* Методы решения проблем дефиниций в свете теории сетевого права // Законодательная дефиниция: логико-гносеологические, политико-юридические, морально-психологические и практические проблемы. Н. Новгород, 2007. С. 348; *Гайдамакин А.А.* О формальном описании семантических связей в статьях Уголовного кодекса // Юристы-правоведы. 2008. № 4. С. 99–104; *Антонов М.В., Лисанюк Е.Н., Перов Б.Ю.* Нормы и нормативные системы в философии, праве и информатике // Правоведение. 2011. № 5. С. 237–247 и др.

³² См., например: *Уемов А.И.* Язык тернарного описания как формализм параметрической общей теории систем: часть 1 // Вестник

Одесского национального ун-та. Т. 12. Вып. 15. Философия. 2007. С. 105–117; *Муравьев А.К., Михайленко С.Г., Литвин И.В.* Создание электронной версии свода законов Республики Беларусь // Проблемы правовой информатизации. 2005. № 6; *Плавич В.П.* Совершенствование юридического толкования правовых норм и правоприменительной деятельности // Наукове пізнани. 2008. № 2. С. 147–153.

³³ *Бурдые П.* Указ. соч. С. 99.